

О ВВЕДЕНИИ ХРИСТИАНСТВА У БЕРЕЗОВСКИХ ОСТЯКОВЪ.

Божественный свѣтъ Евангелія годъ отъ году болѣе распространяется между разными языческими племенами Сибири. Зная, какъ пріятно слышать всякому о распространеніи Царствія Христова, я рѣшился на сей разъ изложить свѣдѣнія о введеніи Христіанства у Березовскихъ Остяковъ, въ надеждѣ, что этотъ трудъ по предмету Церковной Исторіи нѣсколько пополнить пробѣлы ея и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ возбудить въ другихъ искреннее участіе.

Остяки составляютъ многочисленный народъ въ Сибири, и по мѣстамъ жительства раздѣляются на Березовскихъ, Сургутскихъ, Нарымскихъ и Енисейскихъ, изъ коихъ каждые имѣютъ еще особыя подраздѣленія. Мѣста, занимаемыя Березовскими Остяками, въ древности назывались : Обдорія — нынѣшняя волости Обдорская и Куноватская ; Югорія —

по рѣкамъ Сосвѣ и Сыгвѣ (Ляпину), въ волостяхъ Сосвинской и Ляпинской; Кондія или вѣрнѣе Кода, по рѣкѣ Оби, — волость Кодскіе Городки.

Остяки-язычники имѣли нѣкоторое понятіе о Богѣ, называли его Тѣримъ (добрый Богъ, властитель вселенной), почитали Верховнымъ Богомъ, живущимъ на небѣ; считали себя недостойными Его вниманія и не смѣли утруждать просьбами. По этой причинѣ, грубый материальный умъ ихъ изобрѣлъ низшихъ божествъ, которыя, по ихъ понятіямъ, имѣли ограниченную власть дѣлать людямъ добро и зло, и потому раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ древнѣйшія времена вытесаны были шаманами изъ дерева, облечены въ разныя одежды и имѣли видъ безобразного человѣка; другія, выплавленныя изъ металла, изображали птицъ, звѣрей и особенно медвѣдя. Остяки вѣрили въ бытіе земныхъ и водныхъ божествъ, покровительствовавшихъ промысламъ ихъ; строили имъ капища въ скрѣвенныхъ мѣстахъ отдаленныхъ лѣсовъ.

Издревле въ семъ краѣ много было чтимыхъ идовъ: нѣкоторые изъ нихъ собственнаго излѣлія шамановъ; другіе были занесены сюда изъ Россіи, во время обращенія оной въ Христіанство при Князѣ Владімірѣ; а большая часть спроважена была изъ Перміи, въ XIV столѣтіи, когда Св. Стефанъ крестилъ Шерманъ. Извѣстнѣйшіе изъ идовъ были: *Кумиръ*, вылитый изъ золота; онъ сидѣлъ въ чащѣ, въ которой Остяки вливали воду и пили въ увѣренности, что имъ не можетъ приключиться никакого несчастія. *Рача*, славный идолъ, въ Рачевскихъ юртахъ; ему съ разныхъ мѣстъ собирались дары для жертвъ. Близъ нынѣшней деревни Бѣлогорской, въ 35 верстахъ ниже Саморова, была нагая, деревянная женщина, сидѣвшая на стулѣ подъ березою. Остяки называли ее *Большою богинею*. При завоеваніи Сибири, будто бы она приказала Остякамъ склонить себя (*);

(*) Описаніе Сибирскаго Царства Миллера, Ч. I, стр. 124, 125, 126 и 131.

по инымъ же преданіямъ бросилась въ Обь. На устьѣ р. Иртыша находилось капище съ идоломъ, коего называли *Обскій Старикъ* — божество рыбъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка, съ безобразнымъ лицемъ и рогами, жестянымъ носомъ и стеклянными глазами. На немъ было нѣсколько одеждъ и сверхъ ихъ кафтанъ изъ краснаго сукна. Вокругъ кумира лежали лукъ, стрѣлы, копье и кольчуга. По сказанію Остяковъ, это божество ихъ нисходило въ бездны водъ и вели войну съ подводными божествами; проходило большія и малыя воды и своею властію отпускало промышленникамъ столько рыбы, сколько кто заслуживалъ усердіемъ въ приносимыхъ ему жертвахъ. Празднованіе Обскому Старику было въ Маѣ мѣсяцѣ, при открытии рѣкъ. По окончаніи первого рыбнаго промысла, Остяки, соревнуя другъ другу, приносили идолу жертву; взявъ самую жирную часть изъ лучшей рыбы, намазывали ею все лицо идолу, приговоривая: «Ѣшь нашъ добрый богъ и на другое время дай больше рыбы». Въ Бѣлогорскихъ юртахъ, на берегу Оби, было капище и въ немъ *Мъдный Гусь* — божество птицъ. Сѣдалище ему было устроено въ видѣ птичьаго гнѣзда. Остяки вѣрили, что сей боготворимый истуканъ легкимъ и скорымъ летаніемъ загоняетъ птицъ въ тѣ мѣста, гдѣ читатели его занимаются птицеводствомъ. Въ одномъ капищѣ съ нимъ былъ другой идолъ, самый главный у Остяковъ и Богуловъ; но при обращеніи первыхъ въ Христіанскую Вѣру, въ 1712 году, онъ унесенъ на рѣку Конду къ Богуладъ и тамъ скрытъ въ отдаленности глухихъ лѣсовъ. Въ Шоркарскомъ городкѣ было капище, посвященное идолу *Ортику*, который имѣлъ серебряное лицо (*), деревянную голову, туловище — мѣшокъ, набитый мягкою рухлядью; руки — суконные рукава, ногъ не имѣлъ. Весь составъ кумира былъ одѣтъ въ сукон-

(*) Свѣдѣнія о четырехъ послѣднихъ иодахъ заимствованы изъ рукописи: «Краткое описание о народѣ Остяцкомъ», писанное въ 1715 году, по приказанію Сибирскаго Губернатора Князя Матв. Петр. Гагарина, Григоріемъ Новицкимъ, который сопутствовалъ Митрополиту-схимнику Феодору во время обращенія имъ Остяковъ въ Христіанскую Вѣру. Гл. IV, Отд. 13 и 14.

ный кафтанъ и поставленъ въ переднемъ углу капища, на возвышеніи, въ видѣ стола. Его почитали другомъ и помощникомъ Торыма. Мастеръ или Мастеркѣ находился близъ нынѣшняго Троицкаго села. Въ переднемъ углу капища, посвященнаго сему идолу, стоялъ большой мѣшокъ, набитый мѣшками разной величины и сверху туго завязанный. По срединѣ мѣшка напереди была привязана серебряная тарелка: вотъ изображеніе Мастерка. Его почитали помощникомъ Ортика, вѣстникомъ воли высшихъ божествъ и божествомъ здоровья. Больной, просившій отъ Мастерка помощи, долженъ былъ спить ему мѣшокъ изъ холста, сукна или другой ткани, но не изъ кожи. Усердные клали ему серебряныя вещи и деньги; рухляди ему не посвящалось. Елань — прислужникъ высшихъ божествъ, деревянный съ вырѣзаннымъ лицемъ и острою головою; былъ обвернутъ въ сукно, на головѣ имѣлъ шапку изъ собачьей шкуры. Мейкѣ — божество зла, деревянное, одѣтое въ бобровую парку. Заблудившіеся въ лѣсу или въ степи просили его помощи и обѣщали жертвы. Обдорскій край имѣлъ своихъ идоловъ: Золотая Баба (*Zolota baba*), высѣченная изъ камня, которую почитали Пермяне до своего Крещенія (*). Въ 70 верстахъ ниже Обдорска находились два идола: одинъ въ мужескомъ, а другой въ женскомъ одѣяніяхъ, съ особеннымъ украшеніемъ во вкусѣ Остяцкому: одежды ихъ обложены были разными мелкими металлическими фигурами; на головахъ же было по серебряному налобнику. Каждый идолъ стоялъ въ особомъ капищѣ, при одномъ избранномъ деревѣ. Сверхъ многихъ всеобщихъ идоловъ, каждый Остякъ и Остячка имѣли у себя по идолу, вырѣзанному изъ дерева. Они были небольшіе, обвитые разноцвѣтными лоскутьями, и хранились близъ постели. Остякъ, отправляясь на охоту или возвращаясь домой, отправлялъ предъ Шенатомъ своимъ разные обряды. Пришли домой съ добычею, поднималъ руки предъ идоломъ, напѣвая ему благодарность, потомъ падая на колѣна, подчивалъ идола, крича громко: « Ѣшь, Ѣшь ! » и намазывалъ идолу губы рыбьимъ жиромъ.

(*) Гваньини въ сочиненіи своемъ: Rev. Polon. II, 203.

Остяки оказывали свое благоговѣніе горамъ и деревьямъ, заключающимъ въ себѣ что-нибудь особенное, возбуждающее въ нихъ чувство уваженія, и что издревле признано шаманами ихъ за святыню. Ни одинъ Остякъ не проѣзжалъ мимо тѣхъ, чтимыхъ ими предметовъ безъ того, чтобы сперва не выстрѣлилъ въ нихъ изъ лука. Проѣзжая водою близъ нихъ, старался держаться средины рѣки, чтобы весломъ не коснуться до берега и тѣмъ не разгневать божества. Томимый жаждою не смѣлъ напиться воды, обтекавшей обожаемое мѣсто, ни вырвать близъ него травы, ни сломать деревца.

Остяки приносили своимъ идоламъ въ жертву лучшую мягкую рухляль: стрѣлы, много разъ убивавшія звѣря: также серебряныя деньги, тарелки и блюда, на сей предметъ сдѣланыя, съ изображеніемъ на нихъ шайтанчиковъ (идоловъ), птицъ и звѣрей. При народныхъ бѣдствіяхъ, какъ-то: при повальныхъ болѣзняхъ, при неуловѣ рыбы и звѣря, при падежѣ оленей и проч. были общія жертвоприношенія. Главный шаманъ предварительно отправлялся къ одному изъ идоловъ, входилъ въ капище и спрашивалъ его о жертвахъ. Послѣ сего, обратившись, объявлялъ народу волю божества. Для исполненія ея, богатые со стадомъ оленей, а бѣдные безъ всего сходились къ капищу. Шаманы, вмѣстѣ съ предстоявшими, громко прокричавъ просьбу идолу, начинали кричать, биться, стучать въ бубень, кружиться на одной ногѣ и въ изступленіи кататься по землѣ. Въ это время, при безпрестанномъ крикѣ, одни жертвоприносители держали оленей за рога, другіе стояли съ ватянутыми луками, трети съ заостренными кольями. Какъ скоро шаманы ударяли оленя палкою въ голову, то Остяки, имѣвшіе луки, въ мгновеніе пускали стрѣлы въ сердца оленей, другіе съ кольями спѣшили добивать сихъ животныхъ: ибо въ скорѣйшемъ умерщвлѣніи полагали большую пріятность для идола. Хозяева павшихъ жертвъ тотчасъ вырывали изъ оленей сердца, выжимали въ блюдо кровь и подчивали ею идола, намазывая ему лицо; потомъ выпущенную кровь изъ всего тѣла сами пили. Мясо обносили

трижды вокруг камища, сырое ъли, а остальное раздѣляли между всѣми жертвоприносителями, которые развозили оное по домамъ для угощенія своихъ семействъ. Кожи съ оленей вмѣстѣ съ головою и ногами развѣшивали и оставляли на деревьяхъ, окружавшихъ жертвеннное мѣсто. Шаманы во все это время не переставали отправлять своихъ дѣйствій, и наконецъ, пришедши въ безчувственное полууміе и потерявъ силы, падали на землю. При семъ случаѣ у находившихся здѣсь Остяковъ до того разгорячалось воображеніе, что имъ казалось, будто изъ рта шамана выходилъ голубой дымъ. Это воображаемое явленіе служило знакомъ сношенія шамана съ идоломъ о пріятности для него жертвы и объ исполненіи желанія жертвоприносителей.

Близъ Бѣлаго острова, на Ледовитомъ морѣ, находится песчаная отмѣль, гдѣ Обдорскіе Остяки и Самоѣды приставали во время своихъ проѣздовъ для отправленія идолъскаго обряда. Здѣсь они купались для сообщенія съ водными божествами, и вышедъ изъ воды, бросали въ нее кусокъ мѣди или деньги; богатые же приносили своему Нептуну обильную жертву изъ оленей, которыхъ и топили въ водѣ.

У Остяковъ были разныя идолъскія празднества. Ограничимся помѣщеніемъ здѣсь одного изъ нихъ, въ честь идола Еляня. Остяки вечеромъ собирались въ одну юрту, гдѣ находился идолъ, и до двухъ часовъ по полуночи отправляли празднество слѣдующимъ образомъ. Каждый входившій сюда Остякъ вертѣлся по три раза предъ идоломъ, и потомъ садился на правой сторонѣ на нарахъ; лѣвая же половина наръ была закрыта занавѣскою: сюда сходились Остячки, такъ же при входѣ въ юрту вертѣвшіяся по три раза. По собраніи всѣхъ, шаманъ начиналъ гремѣть желѣзными саблями и копьями, заблаговременно приготовленными и лежавшими на шестахъ предъ кумиромъ; потомъ каждому изъ предстоявшихъ мужчинъ давалъ по саблѣ и копью, по полученіи коихъ, Остяки становились вдоль юрты рядами и вертѣлись вдругъ по три раза. Самъ шаманъ, вставши въ каждую руку по саблѣ, оборачивался къ идолу

спиною, и когда начиналъ ударять одну саблю о другую, Остяки, какъ бы по командѣ, качаясь съ одной стороны въ другую, кричали разными голосами, то рѣдко, то часто, отставая одинъ отъ другаго. Потомъ при каждомъ повтореніи: гай, то поднимали оружіе къ верху, то опускали къ низу. Крикъ сей и движеніе продолжались около часа, и чѣмъ Остяки далѣе ревѣли и качались, тѣмъ болѣе приходили въ нѣкоторый родъ изступленія. Послѣ сего умолкнувъ, повертывались по прежнему передъ идоломъ, отдавали оружіе шаману, который раскладывалъ ихъ на прежнія мѣста. Окончивъ такимъ образомъ этотъ обрядъ, мужчины садились на нары. Тогда открывалась занавѣска, скрывавшая женщинъ и являлась новая сцена. Начиналась игра на домбрѣ (*) и Остяки съ Остячками плясали. Пляска эта длилась долго и была поперемѣнно то дика, то забавна, то слишкомъ неблагопристойна. Послѣ пляски шаманъ снова раздавалъ оружіе и повторялся предшествовавшій обрядъ. Въ заключеніе Остяки, стукнувъ въ полъ по три раза концами сабель и копей, отдавали ихъ обратно и расходились по домамъ.

Шаманы и шаманки — служители идовъ, пріобрѣтали себѣ это почетное званіе или по наслѣдству или болѣе по личнымъ своимъ способностямъ. Для полученія имени шамана требовалось многое: проницательный умъ, твердый характеръ, мечтательное воображеніе; также правильность тѣлосложенія и гибкость членовъ, необходимыя въ тѣлодвиженіяхъ. Приготовлявшійся быть шаманомъ старался чаще слѣдовать за старыми шаманами, пристально всматривался въ ихъ дѣйствія, прислушивался къ ихъ разсказамъ, только въ себѣ способности, проводилъ молодость возлужно и упражнялъ свои способности въ пріобрѣтеніи познанія разныхъ шаманскихъ искусствъ, съ усвоеніемъ которыхъ до того раздражалъ умъ и чувства, что прель отправленіемъ

(*) Домбра имѣеть видъ лодки съ натянутыми мѣдными струнами, коихъ бываетъ три, пять и болѣе.

шаманскихъ обязанностей приходилъ въ мечтательное изступленіе. Онъ падалъ на землю и вопрошившимъ давалъ отвѣты, сообразно желанію каждого и своимъ выгодамъ. Такимъ образомъ, время отъ времени занимая умъ и чувства зрителей, снискивалъ себѣ довѣренность и получалъ званіе шамана. Остяки почитали шамановъ свыше вдохновенными и вѣрили ихъ предсказаніямъ, какъ волѣ божествъ. Посему и обязанность шамановъ состояла въ томъ, чтобы принимать приношенія идоламъ, относиться къ нимъ и объявлять полученные отъ кумировъ отвѣты: угодна ли просьба и приносимая жертва. Шаманы при жертвоприношеніяхъ имѣли особенное платье длиннаго покроя, сшитое изъ звѣриныхъ шкуръ, которое украшалось большими количествомъ металлическихъ колецъ, бляшекъ, колокольчиковъ, изображеній птицъ и животныхъ: ими такъ часто и плотно унизывалось платье, что не льзя было звать, изъ чего оно сшито. Голову свою шаманы покрывали иногда желѣзными шишаками, а въ другое время шапочкой изъ разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутьевъ. Шаманки имѣли такое же платье, но голова ихъ была открыта и растрепана. Принадлежностю шамановъ былъ еще бубень, въ который ударяя колотушкою, обтянутою кожею, шаманы тѣмъ какъ бы возбуждали свои силы къ нужнымъ кудеснымъ дѣйствіямъ.

Познакомивъ читателей симъ краткимъ очеркомъ съ первобытнымъ состояніемъ Остяцкихъ вѣрованій, перейдемъ къ предмету статьи нашей — къ просвѣщенію Остяковъ свѣтомъ Христіанской Вѣры.

Остяки, будучи подъ властію Татаръ, не успѣли съ ними принять Магометанской вѣры, которую ввелъ Ахметъ-Гирей, братъ послѣдняго Сибирскаго Хана Кучума, не болѣе какъ за тридцать лѣтъ до покоренія Сибири Русскими. Обращеніе Татаръ въ Исламизмъ было насильственное: за сопротивленіе ему и преданность язычеству, нѣкоторые изъ подданныхъ Кучума, по приказанію его, были лишены жизни (*). Можетъ быть, такая же участь ожидала и нѣкоторыхъ Остяковъ.

(*) Описаніе Сибирскаго Царства, Миллера, Ч. I, гл. 1, § 80.

Когда Промыслъ Всевышняго судилъ Остякамъ, послѣ собственныхъ междоусобій и угнетеній Татарскихъ, успокоиться подъ скипетромъ Россійскихъ Вѣнценосцевъ, тогда Христіанская Вѣра, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, единственно путемъ убѣженія, начала проникать въ мрачные страны Сѣвера. Первые слѣды Христіанства у Остяковъ сливаются съ самымъ покореніемъ ихъ Россійской Державѣ. Князьки ихъ, призываляемые въ Москву, по возвращеніи домой, приносили съ собою понятіе о Вѣрѣ Христіанской и самую Вѣру: ибо Государи наши желали всего лучше награждать ихъ симъ небеснымъ сокровищемъ. Еще въ царствованіе Феодора Іоанновича крещенъ Обдорскій Князь, нарѣченный Василіемъ, и вскорѣ основана въ Обдорскѣ церковь во имя Св. Василія Великаго; но преемники его: сынъ Мамрукъ и послѣдующіе Князья Молюкъ, Гында и Тучабалда были язычники (1). Въ 1599 году, мать Колдскаго (Кондинскаго) Князя Игичея и одинъ изъ сыновей его, бывши въ Москвѣ, приняли Христіанскую Вѣру и нарѣчены: первая—Анастасіею, а второй—Петромъ. По возвращеніи ихъ во владѣніе свое Колу, самъ Игичей отправился въ Москву и тамъ крестился. Въ 1602 году построена была въ Колѣ церковь; а въ слѣдующемъ году принялъ Христіанскую Вѣру и другой сынъ Игичея и нарѣченъ Михаиломъ (2). Будучи въ Москвѣ, онъ женился на Русской, изъ знатной фамиліи, и пожалованъ Стольникомъ. По смерти сего Князя въ 1633 году, сынъ его Димитрій (рожденный отъ Остячки) ѻздилъ въ Москву, оттуда привезъ тѣло покойнаго въ Княжество Колу и похоронилъ близъ церкви (3). Въ томъ же году, по указу Государеву и Патріаршей грамотѣ, крещено въ Тобольскѣ Колское Княжеское семейство: Князь

(1) Заимствовано частію изъ старыхъ бумагъ Березовской Воеводской Канцеляріи, хранящихся въ тамошнемъ Земскомъ Судѣ, а болѣе изъ жалованныхъ Царскихъ грамотъ Князьямъ Обдорскимъ.

(2) Сибирской Исторіи, Миллера, Т. II, гл. 6, § 34. Въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ о ученыхъ дѣлахъ, за 1764 годъ.

(3) Древн. Росс. Вивлію. Ч. III, подъ 7141 г.

Никифоръ Алачевъ-Лобанъ, мать его Княгиня Анна, жена Агафья и двое сыновей Симеонъ и Исидоръ (1). По ходатайству Сибирского Архіепископа Симеона, въ 1657 году, основанъ въ Колѣ Троицкій монастырь, для распространенія въ заѣшнемъ краѣ Христіанской Вѣры. Но грубый народъ, привыкшій къ язычеству, въ коемъ, не смотря на его нелѣпость, не мало заключалось приманки для чувственности, не вдругъ могъ промѣнять своихъ идовъ на крестъ; а шаманы, жившіе суевѣріемъ народа, употребляли съ своей стороны всѣ мѣры удерживать его во тьмѣ идолопоклонства.

Нѣтъ сомнѣнія, что по учрежденіи въ Тобольскѣ Архіерейской каѳедры (1621 г.) были въ Сибири обращенія язычниковъ и Магометанъ; но, за неоткрытиемъ актовъ, дѣйствія по сему предмету первыхъ Сибирскихъ Архіпастырей остаются безгласными.

Государь Петръ I, полный вѣры въ Сына Божія и любви къ своимъ поданнымъ, возвышая политическое могущество Государства, заботился и о распространеніи и благосостояніи Россійской Церкви. Въ 1700 году, 18 Іюля, Онъ изрекъ благую мысль: «да распространится Христіанская Вѣра у Сибирскихъ идолопоклонниковъ». Указомъ 1706 года 2 Декабря, повелѣлъ Березовскому Воеводѣ призвать двухъ Остяцкихъ Князей: Ляпинскаго — Шекшу и Обдорскаго — Тучабалду и спросить ихъ: желають ли они принять Христіанскую Вѣру (2). Вскорѣ міссіонеры, посланные въ Березовскій край отъ Сибирского Митрополита Филоея Лещинскаго, проповѣдывали Св. Евангеліе, но не имѣли успѣха. Остяки не хотѣли слышать о новой Вѣрѣ, съ ожесточеніемъ встрѣчали и провожали проповѣдниковъ ея.

Митрополитъ Филоеї, ревностно управляя Епархію, устроилъ благосостояніе ея, старался обѣ умноженіи цер-

(1) Древн. Росс. Вивліо. Ч. III, подъ 7141 г.

(2) Изъ старыхъ бумагъ Березовской Воеводской Канцеляріи: справка въ дѣлѣ о крещеніи Остяковъ.

квей въ Сибири и о распространеніи Христіанства. Отъ многихъ пастырскихъ трудовъ и заботливости, здоровье его начало ослабѣвать и наконецъ его постигла болѣзнь. По прошенію онъ сошелъ съ Архіерейской каѳедры на покой, принялъ схиму съ именемъ Феодора и въ 1711 г. поселился въ Тюменскомъ монастырѣ. Казалось тогда, что всѣ намѣренія и желанія Митрополита вполнѣ распространить Христіанство въ Сибири, заключилось съ нимъ въ тѣсную келлію, и по видимому, совершило отказавшись отъ міра, больной отшельникъ хотѣлъ остатокъ дней своихъ провести въ глубокомъ уединеніи; но Господь устроилъ иначе. Архіерей-схемонахъ сознавалъ, что для человѣка, вѣрнаго своему призванію, не должно быть уклоненія отъ онаго. Освободившись отъ многихъ Архіерейскихъ обязанностей, схимникъ приготовлялся къ другому труднѣйшему служенію Церкви. По мѣрѣ того, какъ болѣзнь со дня на день начала оставлять его, желаніе привести въ Христіанскую Вѣру Сибирскихъ язычниковъ и Магометанъ болѣе и болѣе въ немъ воспла-менялось. Сила воли, посвященная во славу Божію, готовая на тяжкіе подвиги и рвеніе о спасеніи заблуждашихъ душъ, вызывали слабаго старца на борьбу съ невѣріемъ, для распространенія свѣтла истиннаго Богопознанія.

Въ Іюнѣ 1712 года Архіерей-схемонахъ, снаженный отъ Сибирского Губернатора Князя Матв. Петр. Гагарина судномъ и людьми, и напутствуемый благословеніемъ Митрополита Ioанна Максимовича, отправился къ Березовскимъ Остякамъ. Предпринятый имъ путь былъ согласенъ съ его сердечными побужденіями: а потому не страшили его ни трулность подвиговъ, ни предстоявшія опасности въ дикой странѣ, среди грубыхъ язычниковъ.

Достигнувъ жилищъ Остяковъ, схимонахъ Феодоръ, въ духѣ кротости и совмѣстно съ понятіями ихъ, проповѣдавъ ученіе о единствѣ Божіемъ; доказывалъ, что идолы изобрѣтены людьми, и, какъ бездушныя творенія, не имѣютъ никакой силы. Остяки, и особенно шаманы, противопоставляли ему свои доводы, утверждали, что издревле служатъ бо-

жествамъ своимъ, которымъ поклонялись отцы и предки ихъ, и потому не хотѣли принимать нового ученія. Но никакой народъ не оставилъ бы Вѣры предковъ своихъ при кроткихъ мѣрахъ, если бы не былъ побуждаемъ къ тому благодатію Божію. Схимникъ, послѣ долгой и трудной проповѣди, вразумлялъ язычниковъ, научалъ первоначальнымъ догматамъ истинной Вѣры. Для того, чтобы прежнее вѣрованіе Остяковъ не удовлетворяло внутренней потребности душъ ихъ, онъ положилъ истребить иоловъ. Такимъ образомъ преданъ огню Обскій Старикъ, Мѣдный Гусь растопленъ и брошенъ въ глубину Оби. Въ Шоркарскомъ городкѣ жители встрѣтили Архіерея Феодора съ ожесточеніемъ и оружіемъ; но онъ и здѣсь смиреніемъ, привѣтливостію и силою Божію укротилъ враждовавшихъ и сжегъ Ортика съ серебрянымъ лицемъ. Во всѣхъ мѣстахъ Остяки съ смущенными лицами и въ ужасномъ волненіи духа смотрѣли, когда божества ихъ пожираемы были пламенемъ. Шаманы въ изступленіи шептали чародѣйныя заклинанія и ожидали чудеснаго избавленія божествамъ своимъ. Тайный страхъ овладѣвалъ всѣми, когда видѣли безсиліе иоловъ и свое заблужденіе. Истребивъ кумировъ, схимникъ-Архіерей на мѣстахъ бывшихъ капищъ водружалъ крестъ въ основаніе храма Божія.

На слѣдующее лѣто, въ Іюнѣ, предпринялъ Феодоръ второе путешествіе къ Остякамъ, чтобы въ жилищахъ ихъ открыть купѣль Святаго Крещенія. Послѣ краткаго наученія главнымъ истинамъ, онъ крестилъ жителей Бѣлогорскихъ, Олтурминскихъ, Сухоруковскихъ, Кеушинскихъ и другихъ юртъ. Заря истиннаго свѣта начала показываться у Остяковъ. Около ста человѣкъ жителей Малаго Атlyма, по предварительному убѣжденію шамана своего Полемхи, выѣхали съ нимъ на встрѣчу схимнику и всѣ 6 Августа охотно крестились, кромѣ тридцати человѣкъ, которые заранѣе уѣзжали за Обдорскъ, въ Воксарковы юрты, и тамъ поселились.

У жителей Большаго Атlyма до настоящаго времени сохранилось преданіе, что предки ихъ въ числѣ нѣсколькихъ семействъ пришли сюда изъ Перміи съ шаманомъ Памсот-

никомъ. Этотъ кудесникъ жестоко препирался о вѣрѣ со Святымъ Стефаномъ, просвѣтителемъ Перміи, и былъ посрамленъ имъ предъ Пермянами, которые, познавъ истину Христіанскаго ученія, изгнали шамана изъ своихъ предѣловъ. Схимонахъ Феодоръ, по прибытіи къ Большему-Атlyмскому городку, увидѣлъ на высокомъ берегу много людей съ луками въ рукахъ. Они не допускали солнца къ берегу и грозили застрѣлить самого Архіерея и всѣхъ бывшихъ съ нимъ. Видя явную смерть, нужно было остановиться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ городка. Какъ ни волновались дерзкіе идолопоклонники, однакожъ схимникъ, не смотря ни на какія опасности, подъ защитою одного Неба, выходилъ по три дня на берегъ и терпѣливо препирался съ закоренѣлыми язычниками. Наконецъ кротостію обратилъ враждавшихъ ко Христу и открылъ купѣль Крещенія (1).

Отплывъ отсюда нѣсколько верстъ, миссія намѣрена была провести ночь въ уединенномъ мѣстѣ. Судно поставили на якорѣ; всѣ рабочіе вышли на берегъ и отъ дневныхъ трудовъ крѣпко уснули. Самъ же схимникъ, отдѣлившись отъ всего земнаго, въ вечернихъ молитвахъ возносился умомъ и сердцемъ къ Богу. Вдругъ, въ третьемъ часу по закатѣ солнца, подулъ сильный вѣтеръ и судно начало колебаться. Высланный на палубу донесъ, что оно уже носится по волнамъ, на срединѣ широкой Оби. Всѣ бывшіе въ суднѣ ужаснулись, ожидая неминуемой погибели; у одного только Архіерея-схемника духъ былъ неизмѣненъ. Сердечная увѣренность въ помоши Божіей ополчила смиреннаго старца чудесною неустрашимостію. Вскорѣ вѣтеръ перемѣнился, схимникъ съ немногими бывшими на суднѣ установили парусъ, и оно, носимое волнами безъ кормчаго, пристало къ берегу (2). Если бы не было съ проповѣдникомъ Господа, то живаго поглотила бы рѣка, душу его покрыли бы воды бурныя (3).

(1) Рукопись Новицкаго. Гл. V, Отд. 2.

(2) Тамъ же. Гл. V, Отд. 3.

(3) Псал. 123.

Съ большими трудами и опасностями соединено было путешествие схимника; но онъ былъ увѣренъ, что безъ терпѣнія не льзя проходить того пути, на которомъ Провидѣніе поставляетъ своихъ избранныхъ. На пути къ Березову крещены жители въ юртахъ: Низамскихъ, въ Шоркарскомъ и Чемашевскомъ городкахъ и другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ въ 1713 году Господь увѣнчалъ подвиги трудившагося: три тысячи пять-сотъ Остяковъ обоего пола присоединено къ Церкви Христовой (*).

Архіерей-схимонахъ, водимый Десницею Божіею, въ началѣ 1714 года обратилъ въ Христіанство многихъ Вогуловъ изъ шести волостей Пелымского округа. Того же года въ Іюнѣ мѣсяцѣ предпринялъ третье путешествіе въ Березовскій край, для крещенія Остяковъ, жившихъ въ сторонахъ, вблизи и далѣе города Березова, и для устройства церквей въ приходахъ новокрещенныхъ. При вѣзлѣ сюда, Феодоръ къ огорченію узналъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Татарскіе Абызы, устрашавшіе новокрещенныхъ Остяковъ постами и упраздненіемъ многоженства, соблазняли ихъ послѣдовать учению Магомета. Исламизмъ началъ вкрадываться среди Остяковъ, по склонности ихъ къ плотской необузданности и по легковѣрію къ сластолюбивымъ обѣщаніямъ въ будущей жизни. Въ Буренъкиныхъ юртахъ Остяки-язычники, прельщенные Абызомъ, до такой степени простерли свою дерзость, что начали стрѣлять въ бывшихъ съ Феодоромъ изъ луковъ и пищалей. Одному изъ духовныхъ лицъ прострѣли ногу и голову, Архіерейскому келейнику Павлу стрѣла прошла сквозь плечи; монаху, воздѣвшему руки въ Небу, прострѣли ладони. Видя такую опасность, бывшіе на суднѣ ужаснулись и ушли внутрь его. Схимникъ одинъ стоялъ на берегу: не льзя не чувствовать, сколь было трудно положеніе его; но никакой страхъ не былъ въ состояніи поколебать его упованія на помощь Божію. Онъ не страшился стрѣль враговъ и среди разъяренныхъ дикарей проповѣдывалъ Христа. Гиѣвъ Остяковъ достигъ высшей степени. Нѣкто Ушако не устра-

шился выстрѣлить изъ пищали въ неумолкашаго Архіеря Феодора, который могъ пасть жертвою своей ревности; но Totъ, чье имя онъ проповѣдывалъ, сохранилъ его: пуля, направленная прямо въ чрево, прострѣлила только одежду схимника (1). Всѣ уливились чудесному спасенію; но, несмотря на это, Буренъкинскіе Остяки признали Исламизмъ съ его чувственнымъ, плотскимъ ученіемъ. Проѣзжая далѣе, Архіерей посѣявалъ сѣмена благочестія и между прочими крестилъ жителей Карымкарского городка съ шаманомъ ихъ Явлакомъ.

Дабы изгладить предметы и самые слѣды суевѣрія въ умахъ инородцевъ, Архіерей Феодоръ на мѣстахъ, гдѣ стояли кумирни съ идолами, основалъ вскорѣ устроившіяся церкви: въ Бѣлогорѣ—Святотроицкую, въ Сухоруковѣ—Духосошествіевскую, въ Маломъ Атлымѣ — Преображенскую, въ Шоркарскомъ городкѣ — Спасскую.

Достигнувъ Березова, Феодоръ увидѣлъ здѣсь множество Остяковъ, собравшихся изъ разныхъ мѣсть. Для удобнѣйшаго распространенія Христіанства въ обширномъ Березовскомъ краѣ, Архіерей-схимонахъ кроткимъ и убѣдительнымъ словомъ прежде всѣхъ присоединилъ къ Святой Церкви Князьковъ: Подгородной волости — Никифора Еурова, Казымской — Димитрія Юзорина (сына Юзора Райлукова), Куноватской — Игоря Данилова, Ляпинской — Матвѣя Шекшина, Сосвинской — Петра и Обдорской — Алексѣя Тайшина (2). Послѣ нихъ рѣка Сосва сдѣлалась купѣлію множества Остяковъ. Виновникъ просвѣщенія, объятый радостнымъ восторгомъ, при столь умилильномъ зрѣлищѣ, воздалъ Господу благодареніе и славу. Съ возвращеніемъ новокрещенныхъ въ свои жилища, имя Христово начало произноситься въ разныхъ мѣстахъ пространнаго Березовскаго края. Вскорѣ заложены и построены были церкви и въ этой половинѣ округа: въ Казым-

(1) Рукопись Новицкаго. Гл. VII, Отд. 2 и 3.

(2) Изъ бумагъ Березовской Воеводской Канцеляріи, хранящихся въ Земскомъ Судѣ.

скомъ городкѣ—Успенская, въ Ляпинскомъ—Богоявленская, въ Сосвинскомъ (Сартынинскомъ) селѣ и Кушеватскомъ городкѣ—Христорождественскія. Всѣ церкви въ Березовскомъ краѣ устроились на казенные деньги, частію же на пожертвованія самого схимонаха и Сибирскаго Губернатора Князя Гагарина.

По возвращеніи изъ Березова, Архіерей Феодоръ узналъ, что Ушанко изъ Буренъкиныхъ юртъ съ сообщниками приговорены къ смертной казни. Незлобивый старецъ, испросивъ виновникамъ прощеніе, взялъ Ушанка въ Тюменскій монастырь и, по наученіи Христіанской Вѣры, крестилъ. Вскорѣ Буренъкинскіе Остяки, познавъ сущность ученія Магомета и правоту Христіанской Вѣры, приняли Святое Крещеніе (*).

Какъ схимникъ самъ большею частію находился въ путешествіи для обращенія въ Христіанство разныхъ Сибирскихъ племенъ, то дальнѣйшее наставленіе въ Вѣрѣ новообращенныхъ Остяковъ поручалъ онъ Священникамъ въ приходахъ ихъ. Они обязаны были утверждать своихъ прихожанъ въ познаніи единства Божія, учить безсмертію души, ожиданію будущаго суда Христова, убѣждать къ благонравной жизни и наконецъ преподавать имъ краткое понятіе о Таинствахъ.

Въ началѣ 1715 года обращены въ Христіанство Кондинскіе Богулы съ шаманомъ Нахрачою Евплаевымъ, и сожженъ Нахрачевскій идолъ. Оставалось еще привести ко Христу закоренѣлаго язычника Богульскаго Князка Сатыгу. Но 10 Іюня схимникъ неожиданно сказалъ своимъ спутникамъ: : Братъ нашъ Сибирскій Митрополитъ Иоаннъ успѣ, идемъ погребсти его», и немедленно отправился въ Тобольскъ

(*) По старанию Преосвященнаго Георгія, Архіепископа Тобольскаго, въ 1849 году въ деревнѣ Буренъкиной построена деревянная церковь.

Указомъ Св. Синода, Сибирская Епархія вторично ввѣренна была Митрополиту-схимонаху Феодору. Управляемы дѣлами ея, онъ нерѣдко и самъ лично дѣйствовалъ въ проповѣди Христіанской Вѣры. Такимъ образомъ съ 1716 по 1721 годъ окрещены имъ Остяки Сургутскіе, Нарымскіе и Енисейскіе; часть Чулымскихъ Татаръ, Кистимцевъ, жившихъ около рѣки Томи, и посѣяны первыя сѣмена Святаго ученія у Тунгусовъ и Камчадаловъ.

Митрополитъ Феодоръ видѣлъ, что, по причинѣ обширности мѣста, населаемаго Остяками, не льзя было скоро достигнуть въ просвѣщеніи ихъ полнаго успѣха: посему, какъ дѣлатель и стражъ вертографа Христова, онъ опредѣлилъ въ Березовскій край особыми миссіонерами Березовскаго Воскресенскаго монастыря Игумена Гедеона и Настоятеля Кондинскаго монастыря Іеромонаха Зиновія. Сверхъ ихъ приставилъ еще Надсмотрщика, Прaporщика изъ пѣнныхъ Шведовъ Карпа, въ Православіи Андрея, Эска.

Чтобы глубже утвердить Христіанское ученіе, Архіерей Феодоръ при обращеніи Остяковъ, съ согласія родителей, бралъ у нихъ дѣтей, для обученія Русской грамотѣ и Катихизису. Школы заводимы были у миссіонеровъ. Лучшіе изъ учениковъ отсылались въ Тобольскую Славяно-Латинскую школу (*).

За старостію лѣтъ, Митрополитъ Феодоръ опять уволенъ на покой. Въ 1721 году, въ Сентябрѣ, онъ отбылъ въ устроенный имъ каменнымъ строеніемъ Тюменскій Троицкій монастырь и тамъ занимался епархиальными дѣлами до прїѣзда преемника. Въ Декабрѣ того же года, передавъ Епархію Митрополиту Антонію Стаковскому, схимникъ препровождалъ остатокъ дней своихъ въ постѣ, молитвѣ, трудахъ и внутреннемъ совершеніи.

(*) Память миссіонеру Верхотурскому Архимандриту Сильвестру отъ Митрополита Феодора 1718 года.

Заботливость о крещеныхъ инородцахъ и любовь къ нимъ между прочимъ занимали мысли схимника. Онъ не только старался о благочестіи ихъ, но и о виѣшнемъ благо-состояніи. При недостаткѣ и дороговизнѣ хлѣба, присыпалъ Березовскому Игумену Гедеону ржаной муки для крещеныхъ Остяковъ (1). По ходатайству схимника, Высочайше повелѣно было: инородцамъ, которые приняли и примутъ Христіанскую Вѣру, во всѣхъ государственныхъ сборахъ давать льготы на три гола (2). Схимникъ защищалъ ихъ отъ обидъ и притѣсеній людей неблагонамѣренныхъ, основывавшихъ свои выгоды на простотѣ кроткихъ инородцевъ. Изъ Тюмени въ 1725 году доносилъ онъ Сибирскому Митрополиту Антонію Стаковскому: 1) что Русскіе изъ Березовскихъ жителей ъздаютъ въ юрты къ новокрещеннымъ Остякамъ съ виномъ и пивомъ, поять ихъ и выманиваютъ дорогую рухлядь. 2) Казаки, посылаемые за сборомъ ясака или по другимъ дѣламъ службы, нерѣдко берутъ красиволицыхъ женъ и дѣвицъ изъ инородокъ, будто въ подводы, дорогою безчестять, а застращенные ими Остяки бить чelомъ на нихъ не смѣютъ. 3) Русскіе за самую дешевую цѣну (отъ 2 руб. до 50 коп. мѣлью) берутъ у крещеныхъ Остяковъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ слуги, и совершаютъ на нихъ крѣпостные акты. 4) Казаки-ясачника у кого взять ясака по бѣдности не могутъ, таковыхъ бываютъ и мучатъ, несмотря на то, что Государевымъ указомъ повелѣно: съ кого ясаку взять нечего, тому дать отсрочку. 3) Нѣкоторые изъ Березовскихъ жителей, считая долги на умершихъ дѣдахъ и отцахъ Остяковъ, прїѣжаютъ въ юрты и насильно берутъ котлы, топоры, лошадей, собакъ и проч. (3). Митрополитъ Антоній доносилъ о семъ Правительству и въ слѣдствіе сего Высочайше повелѣно было: объявить Указомъ по всѣмъ волостямъ до Нарыма по Чулыму, за Томскъ, также по Березовскому и Сургутскому округамъ, чтобы никто не смѣль наносить обидъ и притѣсеній крещеннымъ и некрещеннымъ

(1) Память житейному Іероліакону Савватію отъ 15 Іюля 1718 г.

(2) Указъ Сената 1 Сентября 1720 г.

(3) Изъ бумагъ Березовской Воеводской Канцеляріи за 1725 годъ.

инородцамъ, подъ опасеніемъ смертной казни. Въ сборѣ ясака поступать съ ними кротко. Новокрещенныхъ, находящихся въ Березовѣ и другихъ мѣстахъ у разныхъ людей въ слугахъ, отъ хозяевъ освободить, несмотря ни на какія крѣпости, и дать имъ паспорты, что бы нигдѣ ихъ не кабалить и въ неволѣ не держать. Если закабаленные отосланы въ Тобольскъ или проданы въ другіе города, то въ самомъ скоромъ времени разыскать, и когда будутъ найдены освободить (1). По изслѣдованію оказалось, что въ одномъ только Березовѣ было до 50 человѣкъ закабаленныхъ Остяковъ обоего пола, не считая дѣтей; всѣ они освобождены (2).

Жизнь Митрополита-схемонаха уже дологала, но пламень ревности къ распространенію Христіанства еще не погасалъ въ немъ. Согбенный старостію и трудами и несмотря на слабость здоровья, лѣтомъ 1726 года онъ отправился въ Обдорскъ, чтобы при концѣ своей жизни, на концѣ міра проповѣдать Вѣру Христову отдаленнымъ Остякамъ. Проѣзжая по Иртышу и Оби, мимо Остяцкихъ селеній, обозрѣвалъ онъ устроенные цѣркви; Священникамъ давалъ наставленія, чтобы достойно пасли врученное имъ стадо, кротко и снисходительно вводили и утверждали Христіанство, истребляя остатки язычества. Проводилъ время съ Остяками въ бесѣдахъ, одушевленныхъ Пастырскою ревностію, утверждалъ въ Вѣрѣ новокрещенныхъ, которыхъ называлъ: «новонасажденными древами, требующими частаго отребленія и охраненія, пока не укоренятся совершенно». Вездѣ Остяки выходили къ нему на встрѣчу и привѣтствовали его радушіемъ и видимымъ удовольствіемъ, написаннымъ на лицахъ ихъ. Вездѣ принимали его, какъ благодѣтеля своего, какъ человѣка, посланного отъ Бога; слушали со вниманіемъ и старались укоренить въ серцахъ ученіе его. Иначе случилось въ Обдорскѣ. Въ Іюлѣ, когда онъ намѣревался остановить судно свое у лѣтнихъ Остяцкихъ юртъ, увидѣлъ болѣе ста

(1) Указъ Прав. Сената отъ 29 Іюля 1726 года.

(2) Слѣдственное дѣло о закабаленныхъ Остякахъ бывшей Березовской Воеводской Канцеляріи за 1726 годъ.

вооруженныхъ Остяковъ, подъ предводительствомъ Митрополита Каптылева, Кунема и Меля Бударбьевыхъ. Они съ бранью кричали, чтобы Архіерей не ъездилъ къ нимъ и стрѣляли изъ луковъ. Сколько ни убѣждалъ, сколько ни силился обратить ихъ къ истинному Богоизбранию, идолопоклонники не хотѣли слышать и угрожали застрѣлить Митрополита и всѣхъ бывшихъ съ нимъ, и не допускали судовъ къ берегу (*). Главнымъ возмутителемъ, но втайне, былъ Тайша Гындинъ, который не только отклонялъ Остяковъ отъ принятія Крещенія, но еще насыпалъ Самоѣдовъ, чтобы они грабили и убивали крещеныхъ Остяковъ по всему Березовскому Округу за то, что они измѣнили вѣрѣ отцовъ своихъ. Вотъ лишь вѣсколько примѣровъ варварства Самоѣдовъ. Куноватскій Князь Игорь Даниловъ доносилъ Березовскому Комендантту Полковнику Андрею Инглису, что часто въ прошлые годы и въ Февраль 1722 прѣѣзжали къ нимъ Обдорскіе Самоѣды: Терева и Кельта Сынгуруевы, Кельта Пунзуминъ и Гайча Хапуевъ съ многими другими, грабили и убивали крещеныхъ Остяковъ. Въ слѣдъ за ними прѣѣзжали въ ту же Куноватскую волость болѣе 120 Самоѣдовъ, подъ предводительствомъ Ванюты Молдева, ограбили жителей, угнали 700 оленей и убѣжали къ берегамъ Ледовитаго моря. Въ томъ же 1722 году донесено было Березовскому Воеводѣ Пашкову, что Самоѣды Нарта и Питича со 130 единоплеменниками прѣѣзжали въ Ляпинскую волость къ Князьку Семену Матвѣеву, вокругъ городка развели огонь, церковь и всѣхъ жителей ограбили; убили нѣсколькихъ Остяковъ и варварски изувѣчили трупы убитыхъ. Алкая добычи, поѣхали отсюда по рѣкѣ Сыгвѣ (Ляпину), умерщвляли Остяковъ, снимали съ нихъ кресты, привязывали къ концу шеста (тюра) и понуждали запряженныхъ оленей; святые иконы, привязавъ за веревку, волочили за нартами (олени санки). Въ этотъ набѣгъ награбили много имущества и 500 оленей угнали. Около того же времени на-

родный злодѣй (такъ названъ въ дѣлахъ Березовской Воеводской Канцеляріи) Пунзы Тырововъ съ Немдой Юминымъ, Харкой Лявовымъ, Обындѣй Хапуевымъ и другими Авю-Карачайскими (роль, ватага) Самоѣдами прїѣзжали въ подгородную волость, убили Князя Ницифора Еурова; самого во многихъ мѣстахъ копьями изранили и надъ тѣломъ дѣлали разныя поруганія. Отсюда отправились въ Куноватскую волость, ограбили Награчевскія и Жижимковскія юрты и убили нѣсколькихъ Остяковъ съ обычными поруганіями и варварствомъ. За такія злодѣйства Терева и Кельта Сынгуруевы, Кельта Пунзуминъ и Гайча Хапуевъ съ сообщниками наказаны кнутомъ. Главные же виновники въ 1744 году повѣшены на двухъ столбовыхъ реляхъ: Пунзы Тырововъ и Немда Юминъ — въ Обдерскомъ, Харка Лявовъ въ Казымскомъ и Обындѣя Хапуевъ — въ Ляпинскомъ городкахъ. На столбахъ релей были прибиты листы съ подробнымъ описаніемъ преступленій виновныхъ. Переводчики читали ихъ многимъ, собраннымъ въ показанныя мѣста Самоѣдамъ, чтобы они впредь опасались пускаться на такія злодѣйства (*).

Схимонахъ Феодоръ, слыша о Самоѣдскихъ набѣгахъ, настоятельно просилъ гражданское начальство о защите Остяковъ. Посему отъ 19 Іюня 1725 года и предписано было Березовскому Воеводѣ охранять волости Остяцкія отъ Самоѣдовъ, и по разнымъ мѣстамъ разосланы были Казаки съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Изъ лучшихъ Самоѣдовъ взяты въ Березовъ аманаты: съ Каменной стороны — одинъ и съ Низовой — два. Послѣ сего набѣги прекратились.

Благочестивый Митрополитъ Феодоръ, послѣ много-трудной земной жизни, 31 Мая 1727 отошелъ упокоиться въ блаженной вѣчности. Тѣло, по завѣщанію его, похоронено въ Тюменскомъ монастырѣ, близъ соборной Троицкой церкви, противъ Западныхъ дверей.

(*) Довесеніе Митрополита Феодора отъ 30 Августа 1726 года и слѣдственное дѣло въ бумагахъ Березовской Воеводской Канцеляріи.

(*) Дѣло Березовской Воеводской Канцеляріи о набѣгахъ Самоѣдовъ хранится въ Земскомъ Судѣ, по описи подъ № 3.

Въ продолженіе двадцатипятилѣтняго служенія въ Сибири, Митрополитъ Лещинскій, проповѣдуя Христіанскую Вѣру и странствуя по разнымъ селеніямъ полутихъ языческихъ племенъ, объѣхалъ почти всю Сибирь. По смерти его, Митрополитъ Антоній Стаковскій довелъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода: «Архіерей-схимонахъ Феодоръ благопріятные труды Евангельской проповѣди отправляль по смерть свою. Окрестилъ въ Сибири до сорока тысячъ иновѣрцевъ и построилъ у нихъ тридцать семь церквей. Всѣ иновѣрцы призваны имъ въ Христіанство не нужно, не страхомъ, не иными, какими-либо прещеніями, по точію Евангельскою проповѣдію и трудами его (*).»

Штатный Смотритель Тюменскихъ Училищъ

Н. АБРАМОВЪ.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1851, № 12.)

(*) Дѣло Тобольской Духовной Консисторіи: «О крещеніи Березовскихъ Остяковъ» по стар. описи № 13.

